

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.16>

Асельдерова Руманият Омаровна

ПРИМАРНАЯ СЕМАНТИКА ТАКСИСА АВАРСКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

В статье рассматривается этимологическая семантика формантов, которые выражают таксисные отношения в аварском языке. Утверждается, что форманты, выражающие отношения независимого таксиса, концептуализировались в сознании носителей языка как гномическое бытие действия, которое приобретает временную характеристику в зависимости от темпоральных параметров формы, к которой они присоединяются. Характеристика осуществляется посредством сравнения формантов как с диалектными данными самого аварского языка, так и в корреляции с материалами других дагестанских языков.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 1. С. 75-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

критерии дифференциации исследуемых единиц. Опыт описания семантической структуры глаголов-синонимов свидетельствует о том, что их дифференциация может основываться не только на структуре значения отдельной глагольной лексемы, но и на содержании семантической роли актанта, синтагматически связанного с исследуемым глаголом.

Список источников

1. **Амирова О. Г.** Содержание семантической роли объекта при английских глаголах управления // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 1. С. 167-173.
2. **Амирова О. Г.** Структурно-семантический анализ глаголов срединного этапа осуществления действия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53). Ч. 2. С. 24-26.
3. **Бостонов А. Х.** Ролевая семантика правостороннего актанта английских сенсорных глаголов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2005. 21 с.
4. **Диярова Л. А.** Изменение семантической роли субъекта как когнитивного механизма появления новых значений в английской анималистической глагольной лексике // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. 2018. Т. 23. № 2. С. 478-481.
5. **Кузнецова Е. Г.** Экспериментер как семантическая роль актанта предиката (семантическое толкование) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 82-85.
6. **Лакина Н. Ю.** К вопросу о соотношении семантических и социальных ролей приглагольных актантов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 2. С. 127-134.
7. **Шабанова Т. Д.** Семантическая модель английских глаголов зрения в английском языке: теоретико-экспериментальное исследование. М. – Уфа: ИЯ РАН, 1998. 182 с.
8. **Швайко Я. В.** Семантическая модель английских глаголов обучения: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2006. 22 с.
9. **Шерсткова И. А.** Семантическая структура левостороннего актанта английских глаголов воображения // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 17 (155). Филология. Искусствоведение. Вып. 32. С. 112-118.
10. **British National Corpus (BYU-BNC)** [Электронный ресурс]. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 30.08.2018).

ROLE SEMANTICS AS A CRITERION FOR ENGLISH VERBS-SYNONYMS DIFFERENTIATION

Amirova Oksana Georgievna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa
poophin@rambler.ru

The article presents an attempt of the onomasiological research of the semantic structure of the English synonymic units with the general meaning of psychological influence. The focus of the author's attention is the problem of differentiating verb units with the partially coinciding domain of denotation, which is solved in the course of identifying the differential and integral components of the lexical unit meaning and describing the role configuration of the verb. The verification of the hypotheses of the study is based on the analysis of lexicographic sources and the data of the British National Corpus (BYU-BNC).

Key words and phrases: semantic structure of meaning; synonym; integral and differential components of meaning; actant; semantic role.

УДК 8.81

Дата поступления рукописи: 14.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.16>

В статье рассматривается этимологическая семантика формантов, которые выражают таксисные отношения в аварском языке. Утверждается, что форманты, выражающие отношения независимого таксиса, концептуализировались в сознании носителей языка как гномическое бытие действия, которое приобретает временную характеристику в зависимости от темпоральных параметров формы, к которой они присоединяются. Характеристика осуществляется посредством сравнения формантов как с диалектными данными самого аварского языка, так и в корреляции с материалами других дагестанских языков.

Ключевые слова и фразы: морфема; гномическое бытие; релевантная реконструкция; структура; примарное значение; композиционная семантика; сравнения; глагольные дериваты; ассоциативная связь.

Асельдерова Руманият Омаровна, к. филол. н., доцент
Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала
Дагестанский институт развития образования, г. Махачкала
rutomarovna@mail.ru

**ПРИМАРНАЯ СЕМАНТИКА ТАКСИСА АВАРСКОГО ЯЗЫКА
В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ**

В аварском языке, равно как и в других дагестанских языках, отглагольные образования могут выступать в функции единиц, выражающих отношения независимого таксиса. Морфология подобных единиц дагестанских

языков уже рассматривалась [11, с. 105; 14, с. 190], но все же продолжает вызывать интерес современных авторов [7, с. 229; 11, с. 238]. Однако внутреннее примарное значение суффиксов, образующих причастия и деепричастия аварского языка, все еще остается неэсплицированным, что и определяет актуальность нашей работы. Научная новизна заключается в том, что в статье в сравнительном аспекте объяснены внутренние примарные значения глагольных аффиксов на материале аварского языка в сравнении с табасаранским и агульским языками, обнаружены прототипы классных показателей. Целью работы явилось обнаружение примарной семантики таксиса аварского языка в сравнительном освещении и определение его исторического статуса.

В связи с затронутой проблемой нельзя обойти вниманием утверждение, которое касается причастий и деепричастий аварского языка по Ш. И. Микаилову. Приводим дословно.

«Союз *гун*, соответствующий русскому “с” (“я с тобой”), по диалектам имеет несколько звуковых вариантов – *гимо* (*y*), *гумо* (*y*), *гин*. В литературном языке (и в северном наречии) употребляются варианты *-гун*, *-гин*. По всей вероятности, генетически с ним связана и частица *-го*, близкая к нему и по форме, и по семантике. Присоединяясь к глагольным формам, она, как известно, образует деепричастие (*гьабулаго* “делая”, *гьабурабго* “как только сделал”). Но любопытно, что очень часто в письме (даже в официальной прессе) эти деепричастные формы образуются путем присоединения *-гун*, а не *-го* (*гьабулагун*, *гьабурабгун*). Да и семантическая сущность частицы *-го* свидетельствует о родстве ее с *-гун*, ибо, по сути дела, *гьабулаго* “делая” есть понятие союзное, которое выражает и союз *гун*» [12, с. 167].

Как следует из приведенной цитаты, частица *-го* и союз *гун* формально и семантически генетически общего происхождения. Следовательно, обнаружение этимона частицы *-го* позволяет объяснить современную семантику не только союза *гун*, но и, возможно, словообразовательных формантов *-го* и *гун*.

На наш взгляд, следует обратить внимание на форму и семантику глагола «есть, имеется» – *бу-*, *ву-*, *йи-*, (*пу-*) *го*. В морфологии этого глагола компонент *-го*, за вычетом классных показателей (*бу-*, *ву-*, *йи-*), должен иметь значение «есть, имеется» и (*пу-*) *го* «суть».

В таком случае деепричастие *гьабулаго* «работая» состоит из *гьабула* «работает» + *го* «есть». «Работает есть» одновременно и на фоне другого действия – это и есть грамматическая семантика деепричастия настоящего времени. Другие примеры: *цӀцӀалулаго*, *бакӀарулаго* (примеры взяты из русско-аварского словаря, интерпретация автора статьи. – Р. А.) [2, с. 564, 661].

Единение причастия прошедшего времени с *-го* организует форму и семантику деепричастия прошедшего времени, ср.:

гьабураб «сделанный» + *го* «есть» – *гьабураб-го* «сделав, сделавши, как только сделал»;

цӀцӀалараб «прочитанный» + *го* «есть» – *цӀцӀалараб-го* «прочитав, прочитавши, как только прочитал»;

бакӀарараб «собранный» + *го* «есть» – *бакӀарараб-го* «собрав, собравши, как только собрал».

Если допустить, что (*бу-*, *ву-*, *йи-*) *-го* исторически было полнозначным глаголом и имело свою парадигму, то причастием прошедшего времени должна быть форма *-гун*, имеющая семантику «будучи, став». В таком случае становится понятной и семантика деепричастия настоящего времени *гьабула* («делает» + *гун* «будучи, став» = *гьабулагун* «делая», семантически равное форме *гьабула-го* «делая»);

цӀцӀалула – («читает» + *гун* «будучи, став» = *цӀцӀалулагун* «делая», семантически равное форме *цӀцӀалулаго*);

бакӀарула («собирает» + *гун* «будучи, став» = *бакӀарулагун* «собирая», семантически равное форме *бакӀарулаго*);

гьабураб «сделанный» + *гун* «будучи, став» = *гьабурабгун* «сделав, как только сделал» равняется семантике *гьабурабго*;

цӀцӀалараб «прочитанный» + *гун* «будучи, став» = *цӀцӀаларабгун* «прочитав, как только прочитал» равняется семантике *цӀцӀаларабгун*;

бакӀарараб «собранный» + *гун* «будучи, став» = *бакӀарарабгун* «собрав, как только собрал» равняется семантике *бакӀарарабго*.

Проведенная реконструкция может быть релевантной и для лезгинских (табасаранский, агульский) языков, в которых *-ган*, *-гана* семантически и функционально равны аварским *-го*, *-гун*, ср.:

аварские – *гьабураб-го*, *гьабураб-гун* «когда сделал»; *цӀцӀалараб-го*, *цӀцӀалараб-гун* «когда прочитал»; *бакӀарараб-го*, *бакӀарараб-гун* «когда собрал»;

табасаранский – *гьанӀи-ган* «когда сделал»;

агульский – *кукунай-гана* «когда прочитал».

Форманты, выражающие отношения независимого таксиса аварского языка: *гьабураб* – *гьабураб-гун* – *гьабула-го* – *гьабула-гун* «делая»;

цӀцӀалараб – *цӀцӀалараб-гун* – *цӀцӀалула-го* – *цӀцӀалула-гун* «читая»;

бакӀарараб – *бакӀарараб-гун* – *бакӀарула-го* – *бакӀарула-гун* «собирая»;

табасаранский *гьанӀи-ган* «когда сделал»;

агульский *кунай-гана* «когда сделал», – концептуализировались в сознании носителей этих языков как гномическое бытие действия, которое приобретает временную характеристику в зависимости от темпоральных параметров формы, к которой они присоединяются.

Таким образом, *-го*, *-гун*, *-ган*, *-гана* исторически должны иметь значение бытия. И, если возможна ассоциативная связь «бытие – место бытия, вместилище», то значение бытия исторически присуще и лезгинской морфеме *-ган*.

Ср. *тӀураp* «ложки» – *тӀураp-ган* «ложки бытие» – *тӀураpган* «незакрывающийся, висячий ящичек для хранения ложек»; *хур* «грудь» – *хуруган* «фартук».

В южных диалектах аварского языка были распространены деепричастия настоящего и прошедшего времени, образованные посредством форманта *-но*, присоединяемого к причастию настоящего и прошедшего времени, ср.:

кӀасдалав-но (прыгающий есть) «прыгая»; *кӀасадев-но* (прыгнувший есть) «прыгнув, прыгнувши».

На наш взгляд, формант *-но*, как и *го*, исторически имел значение «есть, имеется», ср.:

(*бо-*, *во-*) *на* «есть, имеется» южных говоров аварского языка [12, с. 80];

а-ну «не есть» цезского [3, с. 471];

бу-не «не есть» удинского [13, с. 685] языков.

Конверб со значением «к тому времени, когда; пока» образуется от простого будущего времени посредством присоединения сложного суффикса *-де*, например: *цвела-л-де* «к тому времени, когда придёт».

В морфологии рассматриваемой формы имеем: *цве-ла* – придёт, *-л* «есть», *-де* «есть». Для *-л* «есть» и *-де* «есть», ср.:

соответственно *ла*, *ли* «есть» гунзекского [3, с. 482];

(*бо-*, *во-*) *-ла* «есть» южных говоров аварского [12, с. 30];

де «не есть» агульского [9; 10, с. 119] языков,

равно как и (*и*) *-да* «есть» ботлихского, чамалинского, тиндинского, каратинского [6, с. 293];

-да «есть» лезгинского [4, с. 87], ингушского [8, с. 223] языков.

Если сказанное справедливо, то в морфологии *цве-ла-л-де* имеем: *цвела* «придёт» + *л* «есть» (как результат) + *де* «есть» (на момент речи) – «до того как придёт, ко времени прибытия», ср. лезгинское *къведа* «придёт» – *къве-да-л-ди* «пока придёт, к тому времени, когда придёт».

Отглагольное образование с грамматическим значением завершения одного действия в момент другого действия «тогда, когда, по завершению» обозначается сочетанием масдара и суффикса *-дал*: *цӀцӀали-дал* > *цӀцӀалидал* «тогда, когда прочитал, по прочтении». Считается, что формант *-дал* является, по-видимому, отживающим себя в системе склонения существительных показателем родительного падежа на *-дал*, ныне вместо него чаще стал употребляться формант *-дул*. Из этого следует, что деепричастная форма на *-дал* образовалась на базе уже существовавшей падежной формы на *-дал* [12, с. 126]. Однако, каким образом семантика принадлежности, присущая форманту родительного падежа *-дал*, в применении к масдару трансформируется во временные параметры, Ш. И. Микаилов экспликаций не даёт.

Полагаем, что возможно сравнить семантику *-дал* аварского и *-дал* лезгинского языков. В последнем *-дал* является суффиксом местного II падежа со значением нахождения на чем-либо [5, с. 138]. Но сам суффикс *-дал* состоит из двух – *-ди* + *-ал*, например, *китаб* «книга» – эргат. *китаб-ди* – *китаб-дал* < *китаб-ди-ал*. Семантика сложного суффикса *дал* < *ди-ал* равна «есть + есть на поверхности». Отсюда: *китаб-дал* «на поверхности книги, на книге», ср. табасаранский недостаточный глагол *-ал* «есть на поверхности», лезгинский *ал-а* в том же значении. Формант эргативного падежа (в нашем случае *-ди*) также имеет значение бытия. Следовательно, *-дал* в комплексе «есть на». В зависимости от контекста и склоняемого слова суффикс *-дал* «есть на» может трансформироваться, ср.: *Гьабурун фитнедал паб гьелек хьана*. / «Из-за их клеветы (на их клевете) жена пострадала». Пример заимствован из [Там же, с. 388]. Присутствие компонента *д(-ал)* в морфологии местного II падежа зависит от суффикса, образующего эргативный падеж, ср.: *куьлег* «ключ» – *куьлег-ди* < местн. II падежа *куьлегдал* «на ключе», но *атун* «приход», *-атуни* эргат. пад. – *атунал* (на приходе, по приходу). *Вун атунал зун разия*. / «Я рад твоему приходу (на твоем приходе)».

Учитывая формальную общность аварского и лезгинского, *-дал*, равно как и его сочетаемость с масдаром, можно утверждать, что *-дал* аварского языка имеет первичную семантику «есть на поверхности, есть на». Если сказанное справедливо, то в морфологии *цӀцӀали-дал* имеем исторически смысловую транспозицию из пространственной локализации во временную: *цӀцӀали-дал* «чтение есть на поверхности» > «по прочтению; тогда, когда прочитал». Ср.:

Пали тӀаде цвана ва гьесухь тӀил бихь-дал, лӀимал тӀурун ана. / «Али пришел, а дети, увидев (видение есть на поверхности, как результат) у него палку, убежали» (пример заимствован у З. М. Маллаевой [11, с. 245], интерпретация автора статьи. – Р. А.). В приведенном примере темпоральная семантика, как заметила З. М. Маллаева, тесно связана со значением причинности [Там же].

Морфема *-дал* аварского языка (*цӀали-дал*) «по прочтению, тогда когда прочитал» исторически имела значение «бытие на» *-да-л*. Эта же сложная форма в лезгинском языке указывает на «присутствие, бытие на», ср. лезг. *китаб-дал* «на книге».

В морфологии конверба типа *цваралдаса* традиционно выделяют причастие прошедшего времени *цвар-ра(в)* и сложный суффикс *л-даса*, что в комплексе даёт конверб *цваралдаса* «с тех пор, как пришел». С учетом того, что в структуре причастия прошедшего времени финальный *-в* является классным показателем (*цвар-ав*, *цвар-ай*, *цвар-аб*), имеем исторически причастие прошедшего времени *цвар-* «прибывший». Компонент *цвар-* структурно равен причастию прошедшего времени лезгинского языка, например, *авур* (ср. аварский *гьабур-ав* «сделавший»). В лезгинском языке присоединение морфемы *-ла* со значением «бытие на» (ср. лезгинский *а-ла* «находится на», табасаранский *-ал* «находится, есть на») образует конверб *авур-ла* «когда сделал», который соответствует части *цвар-ал(даса)*.

Усложнение суффикса *-(л)-даса* происходит присоединением морфем *-да-* и *-са*. Последние имеют значение бытия «есть, имеется», ср. лезг. *-да* «есть» (*мичли* «темный», *мичли-да* «темный есть, темно»), бацбийский

да-и «есть ли» [7, с. 242], ингушский *да* «есть» [8, с. 223], андийский *су* «не есть» [16, с. 289], даргинский *са-би* «есть» [1, с. 515]. Таким образом, конверб типа аварского *цвара-л-да-са* в части сложного суффикса состоит из глагольных компонентов *-л(ла)-да-са* «есть на (поверхности) – есть – есть». Поэтому внутренняя форма конверба *цвара-л-да-са* предполагает исторически *цвар-(ав)* «пришедши, прибывши» + *л-да-са* на место «есть – есть», что в сумме дает «когда прибыл, прибывши».

Реконструируемый *къ* дагестанских языков в аварском реализуется в виде *ɣI*, а в табасаранском и лезгинском языках – в форме *къ* [14, с. 53]. Это позволяет утверждать, что аварская морфема *-ɣIан*, образующая присоединением к целевой форме глагола конверб со значением «до тех пор, пока» (*вачIине-ɣIан* «до тех пор, пока придет», лезгинский *къван* «столько, сколько», табасаранский *къан* в том же значении) восходит к одному и тому же источнику с одной и той же семантикой. Значение ограничения «до тех пор» в случае лезгинского и табасаранского языков особенно явно проявляется при присоединении к существительным, ср.:

лезг. *Дербен-диз* «в Дербент», *Дербен-диз-къван* «до Дербента»;

таб. *Дербен-диз-къан* «до Дербента».

В эту пару естественно вписывается агульская морфема *хIан:хула-да* + *хIан* «до дома» [10, с. 155]. Присоединение *-къван*, *-къан* и *-хIан* к глагольной основе реализует степень того, что выражено в глаголах, ср.:

в лезгинском *вахъ акъвздайкъван зу бизар хъана* «столько я тебя ждал (тебя ждущий столько), что устал»;

в табасаранском *увухъ ттийигъурукъан узу бизар гъахъну* «столько я тебя ждал (тебя ожидающий столько), что устал».

Следует отметить, что в табасаранском языке *къан* функционирует и как относительно свободная лексическая единица *къан* «поздно». *Гъач, къаниула.* / «Пошли, становится поздно».

В табасаранском языке *къан* реализуется также в значении, близком к аварскому *-ɣIан*, ср.: *вачIине-ɣIан* (чтобы прийти до, пока) «пока придет» и табасаранское *гъяйиз-къан* (пока придет, до тех пор) «до тех пор пока придет».

Исторически отдельное слово *къан* коррелирует с аварским *-ɣIангъабизе-ɣIан*, агульским *-хIан* – *хула-дахIан* «до дома», табасаранским *-къан* – *хулаз-къан* «до дома»; *гъяйиз-къан* «до тех пор, когда уйдёт», *къан* «поздно»; лезг. *къван* «столько», *рахадайкъван* «сколько ни говори». Это – фактор, объединяющий аварский и лезгинские языки [15].

Из сказанного следует, что конвербообразовательная морфема *-ɣIан* аварского языка исторически была отдельной лексемой со значением, кодифицирующим степень, меру «столько, сколько», т.е. аварский конверб *-ɣIан* (*вачIине-ɣIан*) (чтобы приходиться когда) > «до тех пор пока» на уровне образования синтагмы типа *вачIине-ɣIан* концептуализировался как «мерило».

Исследователи аварского языка отмечают, что словообразовательные аффиксы *-го*, *-гун*, *-ɣIан* функционируют и в качестве частиц, вносящих определенные оттенки в семантику единиц, к которым они присоединяются [11, с. 248]. Эта бифункциональность обусловлена семантикой этих морфем, ср.:

го:хъвараб «написавший» + *го* «есть» – *хъварабго* «написавши, как только написал»;

дун «я» + *го* «есть» – *дунго* «я сам < я есть»; *гъаб* «это» + *го* «есть» – *гъаб-го* «это есть то же самое»;

гун:рагди «услышание» + *гун* «став» (услышание став) – *рагдигун* «услышав, как только услышал»;

эбел «мать» + *гун* «став, будучи, имеючи» *эбелгунвачIа* (мать имеючи приходи) «приходи с матерью»;

ɣIан «столько, сколько» – *вакъизе* «чтобы проголодаться» + *ɣIан* «столько, сколько» – *вакъизеɣIан* «чтобы проголодаться столько, сколько», «когда проголодается, до того, как проголодается»;

гъоцIцIоɣIангъуинаб «сладкий, как мед», *гъоцIцIо* «мед» – *ɣIан* «столько, сколько», *гъуинаб* «сладкий».

Приведенный анализ семантики формантов, выражающих независимые таксисные отношения, *-го*, *-гун*, *но*, *л-де*, *л-да-са*, *ɣIан* аварского языка, *ган*, *гана* табасаранского и агульского языков показывает, что исторически они были автономными слого-словами с этимологической семантикой гномического бытия.

Список источников

1. Абдуллаев З. Г. Даргинский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 508-523.
2. Алиханов С. З. Русско-аварский словарь. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2003. 701 с.
3. Бокарев Е. А. Гунзибский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 414-487.
4. Гайдаров Р. И. Ахтынский диалект лезгинского языка (по данным сел. Ахты). Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. 165 с.
5. Гайдаров Р. И., Гюльмагомедов А. Г., Мейланова У. А., Талибов Б. Б. Современный лезгинский язык. Махачкала: ДНЦ РАН, 2009. 482 с.
6. Гудава Т. Е. Ботлихский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 293-306.
7. Дешериев Ю. Д. Бацбийский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 228-246.
8. Долакова Р. И. Ингушский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 210-227.
9. Магомедов М. И., Алиханов С. З. Словообразование в аварском языке. Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. 214 с.
10. Магомедов А. А. Агульский язык. Исследования и тексты. Тбилиси: Мецниереба, 1970. 242 с.
11. Маллаева З. М. Глагол аварского языка: структура, семантика, функции. Махачкала: ДНЦ РАН, 2007. 392 с.
12. Миканлов Ш. И. Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1964. 171 с.

13. Панчвидзе В. Н., Джейранишвили Е. Ф. Удинский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 676-688.
14. Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков (СИЛДЯ). М.: Наука, 1971. 296 с.
15. Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание: в 8-ми т. Тифлис: Типография канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1889. Т. III. Аварский язык. 295 с.
16. Церцвадзе И. И. Андийский язык // Языки народов СССР: в 5-ти т. М.: Наука, 1967. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. С. 276-292.

PRIMARY TAXIS SEMANTICS OF THE AVAR LANGUAGE IN COMPARATIVE ASPECT

Asel'derova Rumaniyat Omarovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala
rumomarovna@mail.ru

The article considers the etymological semantics of the formants expressing taxis relations in the Avar language. The author argues that the formants expressing independent taxis relations have been conceptualized in native speakers' consciousness as the gnomic existence of an action, which acquires a temporal characteristic depending on the temporal parameters of the form, to which they are attached. The analysis is carried out by comparing the formants with their correlates in the Avar dialects and in other Dagestan languages.

Key words and phrases: morpheme; gnomic existence; relevant reconstruction; structure; primary meaning; compositional semantics; comparisons; verbal derivatives; associative relation.

УДК 8; 81'22

Дата поступления рукописи: 10.08.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-1.17>

Необходимость рассмотрения иностранных языков в неразрывной связи с культурой народов, на них говорящих, все более и более очевидна. Влияет это непосредственно и на процесс перевода. Предварительным условием для наиболее точной передачи образных единиц речи, отражающих факты материальной и духовной жизни на другом языке, является знание переводчиком этих особенностей. Особый интерес представляет лингвокультурологический анализ образных единиц в контексте. Важное место отводится такому понятию, как фоновая информация. Представлены наблюдения, которые будут полезны начинающим переводчикам.

Ключевые слова и фразы: фразеологические единицы; перевод; метафора; фоновая информация; фоновые знания; контекст; культурный компонент.

Барбазюк Вера Юрьевна, к. филол. н.

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва
Vera087@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ ОБРАЗНЫХ ЕДИНИЦ РЕЧИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соотношение языка и культуры сложно и многоаспектно. Ученые из разных стран на протяжении многих лет занимаются изучением вопроса соотношения культуры народа и информации, хранимой в языковых единицах. Проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является центральной в лингвистике, лингвокультурологии, литературоведении. Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время иностранный язык воспринимается в большинстве научных концепций как средство общения и передачи информации. Встретившись с образной единицей в речи, у человека может возникнуть интерес к изучению природы ее происхождения, различных ее особенностей. Соответственно, для успешной коммуникации на иностранном языке требуется овладение фоновыми знаниями. Научная новизна статьи заключается в том, что в ней предпринята попытка проследить взаимосвязь языка и культуры через культурный компонент семантики образных единиц речи военной и общественно-политической тематики. Цель статьи – обосновать важность роли лингвокультурологического аспекта в процессе их перевода.

«Особенности народа и его культурное своеобразие, без сомнения, находят свое отражение в языке» [2, с. 195]. Соответственно, язык – это, прежде всего, отражение культуры нации, он (язык) несет в себе национально-культурный код, а слово является носителем знания, средством воплощения культуры, носителем смысловой нагрузки. «Усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое изучаемым языком» [3, с. 34]. Таким образом, процесс овладения речью неразрывно связан с процессом усвоения культуры, то есть человек «впитывает» культуру как и речь из информационной среды.